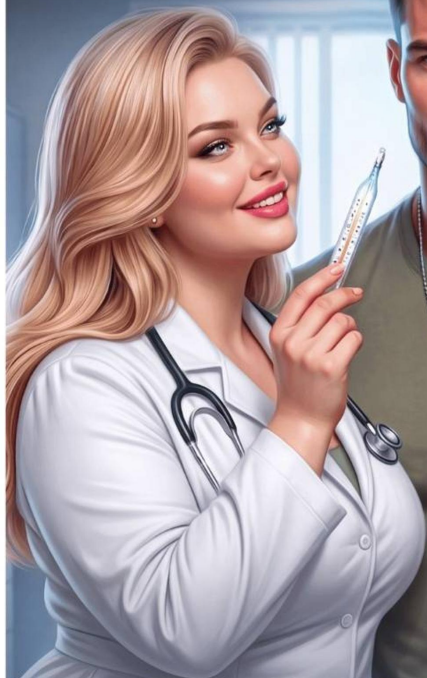

ЛИВ ВЪЕН

БУЛОЧКА

в белом халате для

МАЙОРА МЕДВЕДЯ

Лив Вьен

Булочка в белом халате для майора Медведя

<https://litres.ru/74516364>

SelfPub; 2026

Аннотация

Михаил настигает меня у стены, нависает надо мной всей своей огромной фигурой и рычит:

– Я так этого не оставлю, Булочкина, слышишь? Лучше тебе не воевать со мной.

Мое сердце начинает биться так сильно, что, кажется, его стук слышен в тишине коридора. Но я не могу, и не стану отступать.

– Кто говорит о войне? Я просто выполняю работу. И раз уж вы так настроены против меня пожалуй, назначу вам клизму. Для профилактики.

Он вояка и неотесанный мужлан. И мой пациент. Я вылечу его, даже если он против! Главное, не влюбиться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лив Вьен

Булочка в белом халате для майора Медведя

Глава 1

Я врываюсь в ординаторскую, швыряю папку с историями болезней на стол и со вздохом опускаюсь на стул. Кофе. Мне срочно нужен кофе. Без него я сегодня точно кого-нибудь прибую – и подозреваю, что этим «кем-то» может оказаться очередной самонадеянный пациент, который считает, что разбирается в медицине лучше меня.

– Булочкина, ты опять выглядишь так, будто готова прибить кого-то, – хихикает Наташа, моя коллега и вечный источник сомнительных комплиментов.

Я бросаю на нее испепеляющий взгляд:

– Я выгляжу так, потому что почти не спала три смены подряд и готова съесть кого-то целиком. И, поверь, ты в списке кандидатов на съедение.

Наташа только смеется и пододвигает мне дымящуюся кружку. За это я готова простить ей что угодно.

– Кстати, – добавляет она, понизив голос, – к нам сегодня привезли одного... Такого медведя. В прямом смысле.

Двухметрового роста, плечи в проем дверной не пролазят, а взгляд прям как у тебя, будто растерзает сейчас кого-то. Майор разведки, Михаил Буров. Позывной, сюрприз-сюрприз, – Медведь.

Я закатываю глаза:

– О, отлично. Еще один герой, который считает, что ранения – это просто царапины, а врачи – бесполезные паникеры.

– Именно! – кивает Наташа. – И угадай, кому его поручили?

Я замираю с кружкой у рта:

– Только не говори...

– Тебе, Булочкина. Командование решило, что если кто и сможет осадить этого бунтаря, то только ты. Предыдущий врач пьет успокоительное и отказывается его лечить.

– Да они там что, сговорились?! – я ставлю кружку так резко, что кофе выплескивается на стол. – Я врач, а не укротительница диких зверей!

Но, конечно, через десять минут я уже стою у палаты номер семь, глубоко дышу и пытаюсь унять закипающее внутри раздражение. Ладно, Медведь. Посмотрим, кто кого.

Захожу внутрь и сразу натыкаюсь на взгляд – тяжелый, колющий, оценивающий. Майор Буров полулежит на кровати с забинтованной головой. Бинт ослаб и сполз, придавая мужчине нелепый вид, но даже в таком состоянии он выглядит так, будто готов идти в сражение прямо сейчас.

Он действительно огромен – плечи широченные, под

тонкой больничной рубашкой перекатываются тугие жгуты мышц, будто высеченных из гранита. Руки крупные, с выступающими венами и мозолями, не от офисной работы, а от оружия.

Лицо словно с плаката «Настоящий мужчина»: грубоватые, резкие черты, выступающие скулы, прямой нос с едва заметной горбинкой, темные брови сходятся над переносицей в одну линию, придавая лицу хмурое, напряженное выражение. Короткие ежик волос, на висках седина, не по возрасту ранняя, но ему она идет, добавляя суровой харизмы.

Кожа загорелая, обветренная – видно, что этот человек не сидит в кабинетах. Темно-карие, почти черные глаза смотрят пронзительно, оценивающе. В них нет панического страха или беспомощности, которые часто бывают у раненых. Только холодная, сосредоточенная настороженность, будто он все еще на задании.

Даже в расслабленной позе чувствуется скрытая энергия, как у тигра перед прыжком. Он не лежит, а занимает кровать: одна рука небрежно закинута за голову, вторая лежит вдоль тела, но пальцы чуть подрагивают, будто отсчитывают ритм какого-то внутреннего боя. И от него исходит ощутимая аура, та, от которой у женщин при виде него замирает сердце и подгибаются колени.

Я на секунду замираю, невольно засмотревшись, но тут же беру себя в руки.

«Так, Булочкина, – мысленно одергиваю себя. – Не те-

рый бдительности. Перед тобой не герой из романтического фильма, а упрямый пациент, который будет сопротивляться лечению всеми силами».

Глубоко вдыхаю и делаю шаг вперед.

– Добрый день, майор Буров, – я стараюсь говорить максимально официально, но голос все равно звучит чуть резче, чем нужно. – Теперь я ваш лечащий врач, Мария Булочкина.

Мужчина хмурится и с недоумением оглядывает меня с ног до головы:

– Лечащий врач? Мне не нужен лечащий врач. Тем более такой. Мне нужна выписка. Я тут неделю торчу! И хватит меня тут мариновать!

Стиснув зубы, я удерживаю ответную колкость на языке. Вот же грубиян!

– Боюсь, это не в моей компетенции, – я подхожу к кровати и листаю историю болезни. – Моя задача – убедиться, что вы не умрете от осложнений или из-за собственной глупости.

Майор резко садится, морщась от боли:

– Слушайте, доктор, – цедит он сквозь зубы, – я не собираюсь тут гнить из-за пары царапин. У меня задание, понимаете? Задание! И пока вы тут со своими бумажками возитесь, ситуация может выйти из-под контроля.

– У вас черепно-мозговая травма и контузия, – твердо отвечаю я. – Если вы не начнете выполнять мои указания, то следующая остановка – морг. А я, знаете ли, не люблю пи-

сать некрологи для упрямых майоров.

Он резко бьет кулаком по кровати:

– Да что вы вообще понимаете в боевых ранах?! Я через такое проходил, что вам и не снилось! Эти «царапины», как вы их называете, заживут сами, дайте только вернуться в строй!

В палате повисает тяжелая тишина. Я вижу, как на его шее пульсирует вена, а кулаки непроизвольно сжимаются.

– Хорошо, – спокойно говорю я, глядя ему прямо в глаза.
– Давайте договоримся так: вы даете мне три дня. Три дня нормального лечения. Если через три дня ваше состояние улучшится, я лично поговорю с главврачом о вашей выписке. Но до тех пор – никаких побегов, тренировок и самолечения. Идет?

На секунду в палате повисает тишина. Я почти слышу, как в его голове крутятся шестеренки – он явно не привык, чтобы с ним так разговаривали.

– Вы... дерзкая, доктор Булочкина, – наконец произносит он.

– А вы – трудный пациент, майор Буров, – парирую я. – Но мы с этим разберемся. Сначала осмотр. Потом укол. Потом обед. И никаких возражений.

Он усмехается самоуверенно:

– И что, вы меня заставите?

Я наклоняюсь ближе, почти шепчу:

– О, я не просто заставлю. Я сделаю так, что вы сами про-

сите об этом будете. Так что не упрямитесь, майор. Не заставляйте меня идти на крайние меры.

Медведь смотрит на меня долго, тяжело, будто взвешивает каждое слово. Наконец, хрипло бросает:

– Три дня. И только потому, что мне нужно набраться сил для возвращения. Но предупреждаю: если вы обманете...

– То что? – приподнимаю бровь я. – Что вы сделаете, майор? Запугаете меня взглядом? Или, может, заставите маршировать вокруг кровати?

Он стискивает зубы, явно сдерживая очередную грубость.

– Просто делайте свою работу, доктор. И не путайтесь под ногами. Я и так сыт по горло женскими штучками. Моя бывшая жена тоже все «заботилась», пока не сбежала к какому-то офисному планктону. Так что не надо мне тут вашей заботы. Я сам о себе позабочусь.

Внутри у меня все закипает. Вот, значит, как?

– Знаете, майор, – холодно отвечаю я, – я здесь не как женщина, а как врач. Для того, чтобы вас вылечить. И если вы думаете, что ваши личные проблемы с женщинами дают вам право грубить всем подряд, то вы глубоко ошибаетесь.

Он на мгновение замирает, явно задетый. В глазах мелькает что-то темное – боль, обида, злость.

– Мои проблемы вас не касаются, – отрезает он. – Просто делайте, что должны. И без лишних нравоучений.

Мне хочется ответить ему в том же духе, но я сдерживаюсь.

– Вот и договорились, – я мстительно улыбаюсь и достаю шприц. – А теперь – укол. И без фокусов.

– Опять эта гадость? – морщится Медведь. – Да я от нее спать буду, как младенец! А мне нельзя расслабляться!

– Зато проснетесь здоровым, – фыркаю я. – Или вы боитесь, что во сне увидите что-то страшное? Например, как я делаю вам клизму?

Мужчина меняется в лице, и мне чудится в его глазах проблеск страха.

– В ваших мечтах, доктор, – бурчит он, но руку все-таки протягивает.

Глава 2

Я беру шприц, проверяю дозировку и оборачиваюсь к майору. Он следит за моими действиями с выражением, будто я собираюсь вколоть ему яд, а не антибиотик.

– Расслабьтесь, – бросаю я, подходя ближе. – Это не пытка, а лечение. Если хотите, могу и в ягодицу...

От моего предложения глаз майора дергается, и я довольно усмехаюсь. Все они – герои, а как оголиться перед врачом или клизму сделать, так сразу готовы сбежать.

– Нет уж, давайте в руку... – ворчит мужчина. — Вы так говорите, будто действительно собрались меня пытать.

Я натянуто улыбаюсь и ловким движением протираю кожу спиртом.

– И не вздумайте дергаться. У меня твердая рука, но если вы начнете метаться, как загнанный зверь, могу и промахнуться.

– Загнанный зверь? – он рычит. – Да как вы смеее?!

– Просто констатирую факт, – я делаю укол быстро, четко, без лишних движений. – Вы ведете себя, как дикий медведь, которого поймали и посадили в клетку, – завершаю я фразу и аккуратно отхожу на шаг, чтобы быть вне досягаемости его могучей руки.

– Дикий медведь? – он рычит так, что, кажется, дрожат стекла в палате. – Да я вас...

– ...вылечите? – заканчиваю я с невинной улыбкой. – К сожалению для вас, майор, я и так здорова. А вот вам еще лечиться и лечиться.

Он стискивает зубы, явно подбирая самые грозные слова.

– Доктор, – наконец выдает он низким, угрожающим тоном, – если вы не прекратите свои шуточки, я...

– Что? – я приподнимаю бровь. – На гауптвахту отправите? Или проведете мастер-класс по запугиванию медперсонала? Предупреждаю: я проходила практику в отделении травматологии. Так что меня ничем не напугать.

Медведь хмурится еще сильнее, но в глазах мелькает искра – то ли раздражения, то ли... интереса?

– Знаете, доктор, – говорит он, когда я накладываю пластырь, – обычно со мной так никто не разговаривает.

– Видимо, раньше вам не попадались врачи, которые не боятся вас, – я убираю инструменты и скрещиваю руки на груди. – И еще – те, кто действительно хочет, чтобы вы выздоровели.

Майор смотрит на меня пристально. В его глазах что-то меняется – раздражение постепенно уступает место... любопытству?

– А вы, Мария... – он делает паузу, будто пробует мое имя на вкус. – Вы всегда такая прямолинейная?

– Только с теми, кто этого заслуживает, – фыркаю я. – А теперь – обед. Вам принесут через пять минут. И да, я проверю, съели ли вы все до последней крошки.

– Вы что, моя жена? – он приподнимает бровь.

– Нет, – я направляюсь к двери. – Я ваш врач. И поверьте, я страшнее любой жены, когда дело касается соблюдения режима.

– Булочкина, вы меня пугаете, – он качает головой, но в голосе больше нет прежней враждебности, скорее – смесь раздражения и... восхищения?

– Это вам не меня надо бояться, – я оборачиваюсь на пороге. – Спокойного отдыха, майор. И пусть вам приснятся только хорошие сны. Без диверсий, погонь и... клизм.

Я выхожу из палаты и прислоняюсь к стене. Сердце бьется чуть быстрее обычного. Черт возьми, этот Медведь... Он не такой, как все. Такой огромный, что рядом с ним я со своими килограммами чувствую себя Дюймовочкой. Это пугает и одновременно заводит. И почему-то мне хочется снова увидеть его – на этот раз не злым и упрямым, а... может, даже улыбающимся.

Но его предубеждения – это что-то с чем-то.

«Ладно, Булочкина, – мысленно говорю себе. – Ты врач, а не семейный психолог. Твоя задача – поставить его на ноги. А его душевные травмы пусть лечит кто-то другой».

Через несколько часов я снова захожу в палату – проверить температуру и состояние раны. Майор лежит с закрытыми глазами, но, услышав шаги, тут же открывает их.

– Вернулись? – его голос звучит чуть мягче, чем утром.

– Да, – я подхожу к кровати и беру градусник. – Пора проверять, не поднялась ли температура. Откройте рот.

Он послушно выполняет просьбу. Пока жду результат, осматриваю повязку – все в порядке, воспаления нет. Градусник пищит.

– Тридцать семь и два, – констатирую я. – Уже лучше. Но пока остаетесь под моим наблюдением.

– То есть вы не отступите? – он усмехается.

– Ни за что, – я достаю блокнот и делаю пометку. – Вы, майор, теперь моя персональная миссия. И я не привыкла проигрывать.

– Упрямая какая, – он качает головой.

– Как и вы, – парирую я. – Но знаете что? Именно поэтому мы сработаемся.

На мгновение в палате повисает тишина. Мы смотрим друг на друга – и я вдруг осознаю, что его взгляд больше не такой колючий, как утром. В нем появляется что-то новое. Интерес? Уважение?

– Ладно, доктор Булочкина, – наконец произносит он. – Допустим, вы меня убедили. Посмотрим, насколько хватит вашего терпения.

– О, его хватит надолго, – я подмигиваю. – У меня стаж работы с трудными пациентами – пять лет. И вы, товарищ майор, пока не самый сложный случай.

Он смеется впервые за все время. Звук низкий, грудной, неожиданно приятный, отдающийся странной дрожью в те-

ле.

– Вы невозможны, – качает головой Михаил.

– Зато эффективна, – я поправляю повязку. – Отдыхайте. Через два часа зайду снова. И чтобы с кровати кроме как в туалет не вставали – я предупредила охрану.

– Что, серьезно? – он вскидывает брови.

– Абсолютно, – я направляюсь к двери. – И да, если попытаетесь сбежать – я вас найду. У меня нюх на беглецов. И помните: я всегда рядом.

Глава 3

Я выхожу из палаты майора Бурова с победной улыбкой – кажется, я все-таки взяла верх. Он согласился на три дня лечения, даже почти не рычал в конце разговора.

Шагаю в ординаторскую, чувствуя, как напряжение последних часов понемногу отпускает. Наташа уже там – листает какие-то бумаги, но, увидев меня, тут же откладывает их в сторону.

– Ну? – она подается вперед, глаза горят любопытством. – Как он? Справилась?

– Да ничего сложного, – отмахиваюсь я, скидываю халат на спинку стула и наливаю себе еще кофе. – Наглый, самоуверенный... Но я таких, сама знаешь, быстро на место ставлю.

– О-о-о, – Наташа восхищенно качает головой. – Ты просто богиня! Я бы с ним и минуты не выдержала. Он же взглядом убить может!

Я пожимаю плечами, стараясь выглядеть невозмутимой, но тут подруга вдруг прищуривается и хитро улыбается.

– Что это с тобой? – она тычет в меня пальцем. – У тебя щеки красные. И взгляд такой... мечтательный. Что, понравился майор-то?

– Что за ерунда! – бурчу я, чувствуя, как румянец становится еще ярче. – Как может понравиться такой упертый

мужлан? Он же на женщин смотрит, будто на недоразумение. Да и вообще, он мне как пациент интересен, а не как мужчина!

– Конечно-конечно, – хихикает Наташа. – Пациент. И поэтому ты так сияешь?

– Замолчи! – я хватаю со стола ластик и бросаю в нее. Она ловко уворачивается, заливаясь смехом.

– Ладно-ладно, молчу!

Остаток дня проходит на удивление спокойно. Пациенты ведут себя прилично, анализы приходят вовремя, даже кофемашина не ломается. Я почти начинаю верить, что эти три дня с майором Буровым пройдут гладко.

Вечер. Вторая ночь дежурства – я подменяю коллегу. Усталость накатывает волнами, но я держусь. Заглядываю в палату к Медведю, и вижу, что он спит. Дыхание ровное, температура в норме. Удовлетворенно киваю сама себе и иду в комнату отдыха.

Устраиваюсь на диване, накрываюсь пледом и почти мгновенно проваливаюсь в сон.

И снится мне... майор Буров. Но не злой, не колючий, а какой-то другой. Он улыбается – тепло, искренне. Обнимает меня, и я утопаю в этих огромных, сильных руках. Его низкий, завораживающий голос звучит где-то над ухом: «Ты такая мягкая, моя булочка. Так бы и съел...»

Просыпаюсь резко, с горящими от смущения щеками. Сердце колотится как бешеное. «Маша, соберись! – мыслен-

но одергиваю себя. – Это всего лишь сон. Майор Буров – твой пациент, и точка!»

Утро начинается с тревожного звонка от медсестры Лиды:
– Доктор Булочкина, вы только не волнуйтесь... Но майор Буров опять за свое!

Я вздыхаю, откладываю историю болезни и быстрым шагом направляюсь к палате номер семь. Внутри все сжимается: ну конечно, Медведь не мог просто спокойно полежать пару дней!

Заглядываю внутрь – и вот он, красавец: стоит у окна, спиной ко мне, и делает какие-то странные махи руками. Спина мокрая от пота, повязка на голове съехала набок, а нога чуть подрагивает – явно не в лучшей форме, но упорно делает вид, что здоров как бык.

– Майор Буров, – я вхожу, громко хлопая дверью, – что это за цирковые номера?

Он резко оборачивается, хмурится:

– Доктор, я просто разминаюсь. Мне нужно поддерживать форму.

– Поддерживать форму? – я скрещиваю руки на груди. – Да вы еле стоите! У вас анализы хуже, чем у студента после сессии, а вы тут акробатику устраиваете!

– Анализы – это бумажки, – бурчит он. – А я чувствую, что готов к выписке.

– Вот и отлично, – я улыбаюсь самой сладкой улыбкой.
– Хотите выписку? Сначала пройдите все процедуры. Укол,

осмотр, физиотерапия, контрольный анализ крови и консультация невролога, а лучше – психиатра! И пока этого не будет – никаких разговоров о выписке.

Буров багровеет:

– Вы что, издеваетесь? Я не собираюсь тут валяться, пока вы меня иголками тыкаете!

– Тогда пожалуйста на меня, – пожимаю плечами. – Или лечитесь. Выбор за вами. Но без полного выздоровления я ни одной подписи не поставлю.

Он стискивает зубы, сжимает кулаки, смотрит так, будто готов меня испепелить взглядом.

– Ладно, – цедит сквозь зубы. – Укол так укол. Но это последний раз!

– Это вряд ли, – я достаю шприц. – Их будет много.

Через пять минут я выхожу из палаты, довольная собой, но расслабляться рано. Знаю я этого Медведя – он еще не раз попытается меня перехитрить.

В коридоре меня перехватывает Наташа:

– Ну что, Булочкина? Опять война?

– Хуже, – вздыхаю я. – Саботаж. Он отказывается от уколов, тренируется тайком, а вчера, говорят, пытался сбежать через пожарный выход!

– Да ладно?! – подруга округляет глаза. – И что ты собираешься делать?

– Подкуплю медсестер, чтобы докладывали о каждом его шаге, – фыркаю я. – А может, командованию пожалуюсь. И

еще кое-что...

– Что? – Наташа буквально трепещет от любопытства.

– Я пригрозила, что если он будет нарушать режим, я лично буду дежурить у его палаты с табуреткой и дубинкой. И буду сидеть там круглые сутки, пока он не начнет слушаться.

Наташа хохочет во весь голос:

– Хотела бы я видеть его лицо при этом!

– Да достал, честное слово! – хмурюсь я. – Раны не зажили, анализы плохие, а он считает, что здоров. И если его не остановить, он сам себя угробит.

Тем временем в палате номер семь разгорается новый скандал. Я слышу грозный рык Бурова еще из коридора:

– Где эта... эта Булочкина?! Позвать заведующего! Немедленно! Хочу другого врача! Увольте ее к чертовой матери!

Я замираю на пороге, делаю глубокий вдох и захожу внутрь с невозмутимым видом.

– Майор, – говорю спокойно, – если вам не нравится мой метод лечения, можете написать жалобу, я же говорила. Но пока вы в моей палате – вы будете делать то, что я скажу. Или я лично привяжу вас к кровати. И поверьте, у меня хватит на это сил и терпения.

Мужчина смотрит на меня, тяжело дышит, сжимает и разжимает кулаки, словно сейчас ринется в бой. Но я и бровью не ведаю, хотя внутри все сжимается от страха.

– Вы невозможная женщина, доктор Булочкина, – наконец

выдает он, будто смирившись.

– Зато эффективная, – подмигиваю я, тихо выдохнув с облегчением. – Так что давайте без фокусов. Укол уже готов, медсестра ждет вас на физиотерапию, а обед будет через двадцать минут.

Майор рычит что-то нечленораздельное, но больше не спорит. Я выхожу из палаты с чувством победы, хотя и понимаю: это только начало. Медведь еще не раз попытается взять реванш. Но я готова.

«Булочкина, – мысленно говорю себе, – ты врач, а не дрессировщик. Но если надо, будешь и дрессировщиком. Главное – поставить его на ноги. А уж потом... потом можно будет подумать и о чем-то еще».

Глава 4

Я стою в палате рядом с заведующей, сложив руки на груди, и слушаю, как майор Буров громогласно излагает свои претензии ко мне. Его голос гремит так, что, кажется, дрожат стекла в книжном шкафу.

– ...и я требую сменить лечащего врача! – завершает он речь. – Эта... эта Булочкина просто издевается надо мной! Угрожает, запугивает, заставляет делать бессмысленные процедуры!

Заведующая, Ирина Сергеевна, – женщина лет пятидесяти с железной выдержкой и острым умом – внимательно слушает, слегка покачивая головой. Когда Буров замолкает, она неторопливо снимает очки, протирает их салфеткой и смотрит на майора с легкой ироничной улыбкой.

– Майор Буров, – ее голос звучит спокойно и твердо, – Мария Александровна – один из наших лучших специалистов. Она делает все возможное для вашего выздоровления. И, если честно, я не вижу поводов для ее отстранения.

Буров хмурится, явно не ожидая такого ответа.

– Но она...

– Более того, – продолжает заведующая, – вы находитесь в отдельной палате именно из-за вашего... скажем так, непростого характера. Другие пациенты не обязаны терпеть ваши вспышки гнева, как и наш медперсонал.

Майор краснеет, сжимает кулаки, но молчит.

— Вы, конечно, можете написать жалобу командованию, — Ирина Сергеевна слегка наклоняется вперед. — Но сомневаюсь, что они будут рады узнать, что вы саботируете лечение. Особенно после контузии. Вы же понимаете, что это может повлиять на вашу дальнейшую службу?

Буров замирает. Видно, как в его голове крутятся шестеренки: он осознает, что правда не на его стороне.

— Так что, — завершает заведующая, — рекомендую вам прислушаться к доктору Булочкиной. Она знает, что делает. А теперь, если позволите, у меня много работы.

Майор бросает на меня злой взгляд, разворачивается и выходит из кабинета. Я благодарю заведующую и следую за ним. Но Михаил резко останавливается и хватается меня за плечи, развернув к себе.

Я инстинктивно отступаю, но он настигает меня у стены, нависает надо мной всей своей огромной фигурой и рычит:

— Я так этого не оставлю, Булочкина, слышишь? Лучше тебе не воевать со мной.

Мое сердце начинает биться так сильно, что, кажется, его стук слышен в тишине коридора. Воздух густеет, становится трудно дышать.

Я смотрю в его темные глаза и вижу в них не только злость, но и то, что заставляет мои колени чуть подрагивать. А жар, исходящий от его мощного тела, вид его сжатых в тонкую полоску губ и молнии во взгляде вместо страха вызывают со-

всем иное чувство. Желание распробовать эти губы на вкус.

Но я не могу, и не стану отступать. Собрав всю смелость, я поднимаю подбородок и холодно отвечаю:

– Кто говорит о войне? Я просто выполняю работу. И раз уж вы так настроены против меня... пожалуй, назначу вам клизму. Для профилактики.

Лицо Михаила искажается от ярости. Он стискивает зубы, сжимает кулаки – видно, с трудом сдерживается, чтобы не сказать что-то грубое.

– Ты... – начинает он, но осекается.

– Что, майор? – я приподнимаю бровь. – Может, придумать вам процедуру поинтересней? Колоноскопию, например?

Его глаз нервно дергается, и он резко отступает, отворачивается, проводит рукой по волосам.

– Черт с тобой, Булочкина, – бросает через плечо. – Но это еще не конец.

Мужчина заходит в палату, громко хлопнув дверью, а я остаюсь в коридоре, прислонившись к стене и пытаюсь унять бешеное сердцебиение. Руки слегка дрожат, во рту пересохло, словно я только что побывала в клетке с голодным львом.

Глубоко вдохнув, я выпрямляюсь и иду к сестринскому посту. Нужно взять направление на анализы для Бурова. И, может быть, выпить еще одну чашку кофе – чтобы собраться с силами. Потому что, судя по всему, следующие дни будут гораздо веселее.

Глава 5

Я вваливаюсь домой после смены, бросаю сумку у двери и с облегчением выдыхаю. Тишина. Пустота. Одинокая, пустая квартира – даже кошки нет, ведь мне некогда о ней заботиться. Работа, работа, работа...

Бросаюсь на диван, включаю какой-то дурацкий сериал про любовь – то, что нужно, чтобы отвлечься от мыслей о... ну, вы поняли. О нем. Достаю из морозилки банку мороженого, зачерпываю ложкой прямо из контейнера – плевать на тарелки и ангину.

– Так, Булочкина, – говорю сама себе, облизывая ложку.
– Забудь про майора Бурова. Он просто пациент. Упрямый, грубый, невыносимый... но пациент.

Но, конечно, не получается. Мысли снова и снова возвращаются к нему: к его тяжелому взгляду, к тому, как он сжимает кулаки, когда злится, к его низкому, хриплому голосу, будоражащему кровь... К тому моменту, когда он нависал надо мной у стены, а между нами буквально искрило от напряжения.

– Черт, – бормочу я, закидывая в рот очередную ложку мороженого. – Почему именно он? Почему я вообще о нем думаю?

Сериал идет своим чередом, но я его почти не вижу. Перед глазами – лицо Бурова: грубые мужские черты лица вояки,

густые брови, которые он вечно хмурит, упрямая линия рта. И этот взгляд... то колючий, то вдруг – почти теплый.

В конце концов, доедаю мороженое, выключаю телевизор и заваливаюсь спать. Но даже во сне он не оставляет меня в покое: снится, будто мы снова стоим лицом к лицу, он что-то говорит, я отвечаю, а потом... Потом все сливается в какой-то вихрь эмоций, прикосновений, взглядов, поцелуев и объятий.

Я просыпаюсь посреди ночи в поту, с бешено бьющимся сердцем.

– Маша, – шепчу в темноту, – соберись. Это просто усталость. Просто стресс. Майор Буров – не принц из сказки. Он – трудный пациент, который тебя бесит. И точка.

Снова ночное дежурство. Проверяю пациентов, разбираю отчетность, отвечаю на звонки. Все как обычно. Но с каждым шагом к палате номер семь внутри все сильнее сжимается какой-то узел. Боюсь заглянуть внутрь. Боюсь увидеть его – и в то же время безумно хочу.

Осторожно приоткрываю дверь. В палате царит тишина, и слышно лишь, как за окном ухает сова. Буров спит. Повязка на голове аккуратно закреплена, дыхание ровное, лицо ослаблено – и от этого он выглядит совсем другим. Не грозным майором, а просто мужчиной. Усталым, израненным, уязвимым.

Я мнусь на пороге, потом все же захожу – тихо, стараясь

не разбудить. Подхожу ближе, осматриваю повязку, проверяю температуру. Все в норме. Но вместо того, чтобы уйти, я вдруг замираю возле кровати и залипаю взглядом на нем.

Мужественное лицо: выступающие скулы, прямой нос с едва заметной горбинкой, темные ресницы, контрастирующие с загорелой кожей. Широкие плечи, мощные руки – даже сейчас, когда он спит, в нем чувствуется скрытая сила.

И я ловлю себя на мысли: каково это – быть женщиной такого мужчины? Чувствовать его объятия, слышать этот низкий голос, обращенный не с раздражением, а с нежностью...

Но я тут же осаживаю себя.

Булочкина, очнись! Ты не какая-то там модель с обложки. У него наверняка отбоя нет от красоток – стройных, ухоженных, уверенных в себе. А ты... обычный врач. С лишними килограммами, мешками под глазами и вечной усталостью. И этот гад тебя просто не переваривает.

Вздыхнув, я отворачиваюсь. Сердце почему-то болит. Еще раз бросаю взгляд на Бурова – он слегка шевелит губами, будто что-то бормочет во сне, – и тихо выхожу из палаты.

Иду в комнату отдыха, падаю на диван и накрываюсь пледом. Глаза закрываются сами собой.

«Все, – думаю, проваливаясь в сон. – Завтра новый день. И хватит думать о нем».

Но где-то в глубине души понимаю: это у меня вряд ли получится.

Просыпаюсь я резко, будто меня включили. Но не успеваю

толком прийти в себя, как дверь распахивается и в комнату влетает Наташа. Лицо у нее встревоженное.

– Маша, вставай! – она трясет меня за плечо. – Буров разбушевался! У него приступ ПТСР, разнес всю палату, санитары не справляются!

– Что?! – я вскакиваю на ноги, сон как рукой сняло.

– То! – Наташа охает, хватается за голову. – Он там все крушит! И орет что-то про засаду и диверсантов!

– Поняла, – я уже на ходу застегиваю халат. – Иду.

– Ты что, серьезно? – подруга бежит следом. – Ты либо настолько бесстрашная, либо просто чокнутая!

– Второе, – бросаю через плечо, ускоряя шаг. – Но кто-то же должен его успокоить.

Мы мчимся по коридору к палате номер семь. Где-то внутри бурлит смесь страха и решимости. «Ладно, Медведь, – думаю я. – Посмотрим, кто кого на этот раз».

Глава 6

Я бегу по коридору, и с каждым шагом грохот из палаты номер семь становится все громче. Сердце колотится, как бешеное, ладони потеют. Даже издали слышно, как Буров буянит – рычит, что-то рушит с грохотом, орет невнятные команды.

Наташа семенит рядом, хватается за мой рукав:

– Маша, может, подождем подкрепление? Или хотя бы главврача? Он же тебя...

– ...не тронет, – обрываю я на ходу. – К тому же в таком состоянии он сам себе навредит. Надо приводить его в чувство.

Распахиваю дверь – и замираю на пороге, увидев натуральный разгром, будто тут армия прошла: перевернутая тумбочка, сорванная с креплений лампа, разбросанные по полу бинты и ампулы. Санитары жмутся по углам, стараясь не попасть под горячую руку. А в центре – Буров. Выглядит неважно: лицо искажено, глаза дикие, волосы всклокочены, рубашка на груди порвана.словно раненый, разбушевавшийся медведь, загнанный в угол.

Он рычит что-то про засаду, делает резкий выпад в сторону одного из санитаров. Тот отскакивает, чуть не падает.

– Так, – я хлопаю в ладоши, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Внимание! Санитары, ко мне! Хватать майора и

держат крепко хотя бы пару секунд. Выполнять!

Мужчины переглядываются, но все же решаются подойти. Втроем наваливаются на Михаила, прижимают к стене. Он рычит, дергается, но они держат крепко.

Мне страшно. По-настоящему страшно. Но я сжимаю кулаки, делаю глубокий вдох и подхожу вплотную. Смотрю в его дикие глаза – и вдруг понимаю: надо сделать что-то неожиданное. Что-то, что выбьет его из этого состояния.

Не раздумывая больше, я резко подаюсь вперед и крепко целую его в губы.

Буров замирает. На секунду весь мир будто останавливается. Санитары тоже цепенеют, выпучивают глаза. А потом... он вдруг отбрасывает их от себя одним движением, но не бросается дальше крушить палату. Вместо этого отвечает на мой поцелуй.

Его губы горячие, жесткие, но в этом движении вдруг проскальзывает что-то отчаянное, почти беспомощное. Я на мгновение теряюсь, чувствую, как внутри все переворачивается. Но тут же беру себя в руки: пока он отвлечен, быстро достаю из кармана заранее приготовленный шприц и делаю укол в плечо – ловко, почти незаметно.

Майор отрывается от меня, смотрит удивленно-обиженно. В глазах мелькает растерянность, его веки тяжелеют, он обмякает и падает. Санитары вовремя подхватывают его и аккуратно укладывают на кровать.

– Ну ты даешь, Булочкина, – раздается от двери восхи-

ценно-насмешливый голос Наташи. Она стоит, уперев руки в бока, и качает головой. – А говорила, что он тебе не нравится.

Я краснею до корней волос, поправляю халат, стараясь выглядеть невозмутимой:

– Это... медицинская тактика. Экстренное вмешательство.

– Ага, – кивает Наташа с ухмылкой. – Целуют пациентов исключительно в терапевтических целях. Я поняла, поняла.

– Помолчи, – бурчу я, проверяя пульс Михаила. – Лучше помоги привести палату в порядок. И вызови дежурного психиатра – пусть посмотрит его, когда проснется.

Санитары переглядываются, перешептываются. Один из них тихонько говорит другому:

– Видал, как она его? Вот это да...

– Тихо! – шикаю я. – Никаких сплетен. Это был нестандартный метод купирования приступа. Запомнили?

– Так точно, доктор, – санитары вытягиваются по струнке, но в глазах у обоих – откровенное восхищение пополам с изумлением.

Наташа подходит ближе, шепчет мне на ухо:

– Признайся, Булочкина. Ты же сама чуть не растаяла, когда он тебя обнял.

– Ничего я не... – я замолкаю, закусываю губу. Вспоминаю его губы, его руки, этот короткий миг, когда все внутри перевернулось. – Ладно, может, чуть-чуть. Но это ничего не

значит! Он – пациент. Точка.

– Как скажешь, – подруга подмигивает. – Но я-то все видела. И запомнила. Маша и Медведь, ой не могу...

Она хохочет, а я, сердито поджав губы, украдкой кошусь на бесчувственного Михаила. В голове сумбур: с одной стороны – облегчение, что удалось его успокоить; с другой – странное, волнующее послевкусие от того поцелуя.

«Так, Булочкина, – мысленно одергиваю себя. – Соберись. У тебя работа. Пациент в стабильном состоянии, палата разгромлена, а впереди еще целая ночь дежурства. О чувствах будешь думать потом. Ох, черт, и как теперь вообще смотреть ему в глаза?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.